

Г.Ю. Филипповский

Изучение «Поучения» Владимира Мономаха в вузе и школе (мотив начал)

Начала русской литературы до сих пор часть вузовских, да и школьных преподавателей связывают с XVIII веком. Но эта точка зрения и несправедлива, и устарела. Ещё в 1952 году академик Д.С. Лихачёв в своей монографии «Возникновение русской литературы» убедительно свидетельствовал, что истоки русской литературы следует искать в первых веках письменной, средневеково-христианской Руси [1]. Разумеется, литература, в отличие от устной словесности, это культура авторского, письменного Слова. Первое программное произведение принявшей христианство Руси: созданное Илларионом в первой половине XI века «Слово о Законе и Благодати» – это произведение о духовно-христианских истоках, началах Руси, приобщившейся к мировой семье христианских народов [2]. Не случайно автор опирается на образы мировых живоносных начал: в первой части текста – образы жён Авраама, причём свободнорождённая Сарра олицетворяет начала свободы и духовности, обращённые к христианскому будущему человечества через образы Богородицы и Христа. Во второй части текста – образ воды, живоносного источника, который наполнился, чтобы распространиться по всему миру в виде благодатной веры христианской. Начала Руси автор «Слова» в третьей части своего текста передаёт в образах христианского строительства князя Владимира – крестителя Руси и его сына князя Ярослава.

Не случайно летописание первой половины XI века Д.С. Лихачёв представляет как «Сказание о распространении христианства на Руси» [3]. Рубеж XI–XII веков – время возникновения оригинальной литературы Руси, время начал русской литературы отмечено монументальной литературно-исторической эпопеей ранней Руси – «Повестью временных лет» [4]. Её

заглавие, своеобразная экспозиция, явственно акцентирует мотив начал: «Повесть временных лет... откуда есть пошла Руская земля, кто в ней почаль первее княжити, и откуда Руская земля стала есть» [5]. Тема начал знаково повторена трижды, соотнесена с образом-символом Русской земли, который также упомянут дважды. Литература, разумеется, немислима вне понятий художественной условности, а поэтическая составляющая литературного текста определяется его системной знаковостью, коррелятивной повторяемостью [6].

В «Поучении» Мономаха экспозиция, которая, как и в других текстах средневековой Руси, представляет собой начало текстового развёртывания, особое внимание уделяет мотиву начал [7]. Б.А. Успенский в своей фундаментальной работе «История и семиотика (восприятие времени как семиотическая проблема)», явно отталкиваясь от христианского средневековья, отмечает: «Если мир признаётся сотворённым, то таким же признаётся и время; соответственно, время оказывается тогда в НАЧАЛЕ тварного бытия» [8]. Уже в первой фразе своей исповеди-автобиографии души Владимир Мономах говорит о своём христианском рождении-крещении: «Азь худый дедомъ своимъ Ярославомъ благословеннымъ, славнымъ нареченый въ крещении Василий, русьскимъ именемъ Володимиръ, отцемъ възлюбленнымъ и матерью своею Мьномахы...» [9] Речь в этой фразе идёт и о земном начале, рождении героя, поскольку упомянуты его родители, однако, акцентировано именно христианское начало в герое и его исповеди, духовное рождение-крещение: первым упомянуто христианское имя Василий и только затем княжеское, мирское Владимир; первым упомянут знаменитый дед Ярослав Мудрый, который, конечно, был главным лицом при крещении внука, да и сам Владимир Мономах горд тем, что славный дед успел крестить его буквально за год до своей смерти. Итак, в начальной фразе текста «Поучения» особо подчёркнуто именно духовное, хри-

стианское начало в герое и его исповеди, духовной автобиографии, что и будет развёрнуто затем на пространстве всего последующего текста «Поучения», которое и завершается в финале последней, третьей части фразой: «Душа ми своя лутши всего света сего» [10]. В этом смысле можно говорить о кольцевой структуре текста, который открывается фразой о духовном начале героя, заканчивается словами о его духовной доминанте.

Адресное обращение к детям в экспозиции также не случайно: «Да дети мои иль инъ кто, слышавъ сю грамотицю...» [11] Дети, детство олицетворяют всегда начало жизни человека или людей в целом, - Мономах на всех уровнях текстовых смыслов акцентирует мотив начал, в данном случае, мотив начал христианского бытия, христианской жизни. Сравним, например, первое святительское житие XII в. на Руси – «Житие Леонтия Ростовского», где епископ, прежде всего, обращается к христианской проповеди именно среди детей, а не взрослых ростовцев: «Святому прилежащу ученью и наказующю в церкви, ласкающе младыя дети...» [12].

Владимир Мономах, как писатель, в отличие от автора «Слова о полку Игореве» не рассуждает в экспозиции о том, как ему следует начинать своё произведение. Однако, трижды в тексте вступления-экспозиции «Поучения» повторена, заявлена тема начал: «и не ленитися **начнетъ**, такоже и тружатися»; «**Первое**, Бога дея и душа своя...»; То бо есть **начатокъ** всякому добру» [13]. Эта же тема начал повторена далее в эпизоде гадания на Псалтири, где Мономаху «вынимается» исповедь Богу, которую он и создаёт, написав своё «Поучение». Начальное, первое здесь для автора не только начальное, первое по порядку, но и по смыслу, по значимости: «Аще вы последняя не любя, а передняя принимайте» [14]. Семантика начала для Мономаха символична, начальное значит базовое, основополагающее, самое важное. Н. Д. Арутюнова, составитель коллективного труда «Семантика начала и конца» в своей вступительной статье подчёр-

кивает особую роль мотива начала (и конца) в концептуализации действительности [15].

Конечно, экспозиция текста произведения, в том числе, и экспозиции текстов Руси XII века: «Поучения Мономаха», «Повести об ослеплении князя Василька Ростиславича», «Сказания о чудесах Владимирской иконы Божьей Матери», «Повести об убиении Андрея Боголюбского», «Слова о полку Игореве» – дают образцы литературной концептуализации текстов этих произведений. В «Слове о полку Игореве» авторское рассуждение о начале и развёртывании литературного текста, о прошлом, настоящем и будущем решено использованием яркого образа Бояна, песнопевца старых времён и старых князей. Это, несомненно, литературный образ и литературный авторский приём [16]. Что же в «Поучении» Владимира Мономаха? Использует ли автор какой-либо литературный приём, сколько-нибудь сходный с применённым автором «Слова о полку Игореве», жившим 100 годами позже и шедшим по стопам своих литературных предшественников?

Такой приём на самом деле существует, и на него неоднократно обращали внимание и А.С. Орлов, и Д.С. Лихачёв, и другие исследователи «Поучения» Владимира Мономаха [17]. Речь идёт о дважды повторенном в экспозиции «Поучения» метафорическом выражении «на санех сидя»: «Сядя на санех, помыслих в души своей и похвалих Бога, иже мя сихъ днєвь грешнаго допроводи»; «Аще ли кому не люба грамотиця си, а не поохритаются, но тако се рекуть: да далечи пути, да на санех сядя, безлепцю си молвиль» [18]. Ещё в Мусин-Пушкинском первом издании «Поучения» 1793 года эта метафора передана как «будучи при конце жизни». А.С. Орлов и Д.С. Лихачёв в своих изданиях «Поучения» оставили в переложении древнерусского текста на современный русский язык выражение «сядя на санех», но прокомментировал его Д.С. Лихачёв так: «Это образное вы-

ражение следует понимать как в «преклонных годах», «на краю смерти». Значение это основывается на обрядовой стороне древнерусских похорон. Перевозка тела умершего на саних была существенной частью древнерусского похоронного обычая» [19]. Надо добавить, что обычай этот отмечен летописью прежде всего применительно к князьям. Например, так хоронили Владимира I Святославича: «взложиша и на сани, везыше, поставиша и въ святеи Богородици, юже бе създал самъ» [20]. Подобным же образом отправляли в монастырь на вечный постриг великую княгиню, жену Всеволода Юрьевича Владимирского, причём великий князь сам шёл за санями своей постригающейся жены. В средневеково-христианском контексте Мономаховой исповеди смысл метафоры отмечает не только конец земной жизни, но и преддверие, начало жизни вечной. Преклонный возраст, на который намекает автор данной метафорой, – возраст не только старости, но и мудрости. Сплетаются, тем самым, значения начал Вечности и Мудрости, составляющих христианской Духовности. В этом смысле данная знаковая фраза (не случайно автор повторяет её дважды) отчётливо вписывается в общий контекст рассуждений о началах, столь характерный для экспозиции духовной исповеди Мономаха. Присутствует это значение и в предложенной Д.С. Лихачёвым интерпретации обсуждаемой фразы как «в преклонных годах», где очевидно подчёркнуто начало опыта как итога прожитой жизни и основания, «права» на предлагаемый Урок потомкам, «детям». Вместе с тем речь идёт не просто о некоем, а о христианском Уроке на пороге христианской вечности.

Этим, пожалуй, и ограничивается школьный комментарий к начальному эпизоду текста «Поучения» Владимира Мономаха [21] и безусловно освещаемому в школьном изучении метафорическому выражению «на санях сидя». Действительно, вполне самостоятельно выявляется и, в том числе, жанровая литературная соотнесённость этой фразы с темой старос-

ти-мудрости-опыта-Урока, т. е. с собственно жанровыми особенностями дидактического жанрового характера поучения, обращённого к детям. Однако, если говорить о вузовском изучении этого текста, нельзя проходить мимо разысканий Н.Н. Велецкой, изложенных в её книге «Языческая символика славянских архаических ритуалов» [22]. Там выявляется другой пласт смыслов фразы, восходящий к космологической временной её модели и иной теме начал, отличной от системы христианских значений. Этот пласт совпадает с альтернативным христианской культуре контекстом архаической культуры, и именно на данной дихотомии, противопоставлении, оппозиции строились текстовые эпизоды экспозиции «Поучения» Владимира Мономаха: эпизоды родовой титулатуры, эпизод встречи с братьями (послами от них) с последующим нелёгким решением Мономаха, связанным с разрывом родовых отношений, выбором между исконным принципом родовых, кровных начал и начал высших христианско-нравственных общечеловеческих, духовных («не могу вы я ити, ни креста переступить») [23]. В текстовом плане автор поучения уже в экспозиции задаёт систему оппозиций, бинарных противопоставлений, исполненных скрытого драматизма и внутренней экспрессии. И ведущим выступает, как уже отмечал Д.С. Лихачёв, контраст шкалы ценностей в междукняжеских отношениях, уходящей корнями в родовую архаику кровных уз и связей, и иной шкалы ценностей – новой, христианской, общечеловеческой, где на первое место выступает критерий договора, скреплённого не кровью старой родовой клятвы на мече, а – целованием креста, крестной клятвы, данной прежде всего Богу [24]. Применительно к личности человека, князя на Руси конца XI – начала XII века, в том числе самого князя Владимира Всеволодовича Мономаха, эти контрастирующие начала отнюдь не умозрительны, напротив, они органично сосуществуют, соседствуют, переплетаются, но и сталкиваются в их непреоборимости. Сталкиваются во внутреннем душевном

конflikте, разрывающем личность человека, того же Владимира Мономаха, который в принципиальном тексте начала третьей части «Поучения», послания к Олегу Святославичу, убийце сына молодого князя Изяслава Владимировича, пишет: «О многострастный и печальны азъ! Много борешися сердцемъ и одолеше, душе, сердцю моему...» [25]. В отмеченной принципиальной дихотомии и, следственно, текстовой оппозиции, заложены основы, истоки литературного психологизма, скрытого драматизма повествовательной текстовой поэтики «Поучения» Владимира Мономаха.

Н.Н. Велецкая в своей книге и статьях исследует, в том числе, архаические, варварские обычаи проводов немощных, обречённых стариков «на тот свет». Она, в частности, останавливает внимание на древних обычаях, пережиточных ритуалах, на территории современной Украины получивших название «сажать на лубок». Выражение «пора на лубок» употреблялось и до сих пор используется на Украине в отношении очень дряхлых и очень больных людей, прежде всего, стариков. Конечно, это явление, практиковавшееся как реальный ритуал, существовало в отдалённом прошлом, но его отголоски сохранились в фразеологизмах, пословицах «посадовати на санки», «на саночки посадовати», «на саночки». Отмечая длительную сохранность ахраического бытового уклада у славян, Н.Н. Велецкая пишет, что «в средневековых письменных источниках ритуал отправления «на тот свет» нашёл лишь очень слабое и фрагментарное отражение». В качестве примера она комментирует фразу «седа на санех» «Поучения» Мономаха, конечно, не как отражение архаического ритуала преждевременного умерщвления стариков, а как его поздние отголоски исключительно словесно-фразеологического, пословичного характера, сохранённые в древней родовой памяти об истоках человеческой культуры: «На рубеже XI–XII вв. в Киеве, как можно судить по поучению Владимира Мономаха, ритуал уже был отголоском древности; следы его сохранились

преимущественно в лексике. «Азь худый... седя на санех...» – образное выражение, свидетельствующее о коренной трансформации явления: отправление ритуала сменилось намёком на него в поговорке, сохранявшейся в украинской народной традиции до недавнего времени в форме «садовить на саночки», «сбыраетця на саночки», «хоче іхаты на саночках»... В Суздальской земле наблюдается эпизодическое проявление обычая, в Ростовской земле – в трансформированном виде» [26].

Разумеется, Мономах-писатель в светском авторском тексте использовал фразу «седя на санех» как метафору, но её архаический смысловой контекст, как ни парадоксально для средневеково-христианского писателя, был им использован в литературно-интерпретационном плане. Фраза «на санех седя», приведена дважды, но в двух разных контекстах. В первом речь идёт о диалоге души с Богом, о благодарности Богу, давшему лирическому герою пройти долгий и тернистый жизненный путь и достичь маситой старости, возраста мудрости и порога жизни в Вечности. Второй текстовый эпизод в экспозиции охватывает пространство, начиная с фразы «Да дети мои или инь кто слышавъ сю грамотицю, не посмейтеса...» и кончая словами: «Аще ли кому не люба грамотиця си, а не поохритаються, но тако се рекуть: на далечи пути, да на санех седя, безлепицю си молвилъ» [27]. Это совсем не тот диалог с Богом, который усматривается в первом текстовом эпизоде экспозиции. Ключевые в общении с читателем – слова иронической самооценки, или авторской самооценки, или авторской оценки (также не без тени иронии) своего собственного текста. Ясно, что здесь снова отозвалось то настроение автора, которое проявилось в первой фразе экспозиции «Азь худый...». И это не просто живая авторская интонация, хотя очевидна коммуникативная направленность авторских текстовых приёмов. Несомненно, важное место в стилистике и поэтике обсуждаемых текстовых эпизодов занимает маркированная (самим автором) фраза «на

санех седа». С её помощью Мономах-писатель провоцирует своеобразный диалог с читателем, определяя необычайно широкий во времени и пространстве масштаб коммуникативного контекста и текстового формата всего «Поучения». Несомненно, автор решает здесь задачи прежде всего литературно-текстового плана, как затем, спустя почти сто лет, – сходные задачи литературно-текстового развёртывания решает автор «Слова о полку Игореве», привлекая в экспозиции контрастно-динамичный образ Бояна. Не надо забывать при этом, что Боян имеет эпитет «вещий», т. е. мудрый, что очень близко перекликается с символической семантикой образа-метафоры Мономаха в его «Поучении»: «на санех седа». И ещё одна параллель: не просто старость, но прямо-таки древность метафорического контекста отмеченного архаического фразеологизма, что опять же соотносится с «древностью» образа Бояна, певца слав старых князей. Вместе с тем, в обоих случаях, прошлое, сплетаясь с настоящим, обращено в будущее: духовное завещание Мономаха потомкам и обращённый в будущее пафосный финал «Слова о полку Игореве», выдержанный в героико-эпических тонах, причём, также в христианско-героическом контексте: «Здрави князи и дружина, побарая за христьяны на поганья полкы» [28]. Уже приходилось писать о типологической соотносительности черт литературной поэтики и поэтики мотивов, в частности, многих литературных текстов Руси XII века [29], но особое место в этой системе межтекстовых связей, конечно, занимают «Поучение» Владимира Мономаха, «Повесть об ослеплении князя Василька Ростиславича» (образующее с поучением своеобразный литературный диприх) и «Слово о полку Игореве», во многом преемственное в своей литературной поэтике от первых двух важнейших литературных текстов эпохи возникновения и первоначального формирования русской литературы.

Примечания:

1. Лихачёв Д. С. Возникновение русской литературы. М.; Л. 1952.
2. Библиотека литературы древней Руси Т. 1. Отв. ред. Д. С. Лихачёв, Л. А. Дмитриев... СПб., 1997. См.: Тысячелетие русской письменной культуры. Альманах библиофила. Вып. 26. М., 1989.
3. Лихачёв Д. С. Великое наследие. М., 1975. С. 67.
4. Там же. С. 22–111.
5. Библиотека литературы древней Руси Т. 1. ... С. 62.
6. Демкова Н. С. Средневековая русская литература. СПб., 1997. С. 5–33.
7. Филипповский Г. Ю. Поэтика экспозиций в литературных памятниках Руси XII века // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2001. № 1, С. 54.
8. Успенский Б. А. История и семиотика // Б. А. Успенский. Избранные труды. Т. 1. Семиотика культуры. М., 1994. С. 30.
9. Библиотека литературы древней Руси. Т. 1. ... С. 456.
10. Там же... С. 474.
11. Там же... С. 456.
12. Сказание о Леонтии Ростовском // Древнерусские предания. Сост. В. В. Кусков. Подг. текста и комментарии Г. Ю. Филипповского М., 1982. С. 125.
13. Библиотека литературы древней Руси. Т. 1. ... С. 456.
14. Там же... С. 456.
15. Логический анализ языка. Семантика начала и конца. Отв. ред. Н. Д. Арутюнова М., 2002, С. 3. Ю. М. Лотман отмечал базовый характер категории «начала» и «конца»: «Категории начала» и «конца» являются исходной точкой, из которой в дальнейшем могут развиваться и пространственные и временные конструкции». См.: Лотман Ю. М. О моделирующем значении понятий «конца» и «начала» в художественных текстах // Ю. М. Лотман Семиосфера СПб., 2000, С. 427. Учёный комментирует текст «Повести временных лет» как «серии повествований о

- началах»: «...Отсюда построение первого русского исторического текста как серии повествований о началах («Се повести времяньных лет, откуда есть пошла руская земля»). См.: Лотман Ю. М. Семиосфера... С. 428.
16. См. Смолицкий В. Г. Вступление в «Слове о полку Игореве» // ТОДРЛ. Т. XII. Л., 1956, С. 5–19; Соколова Л. В. Зачин в «Слове о полку Игореве» // Исследование «Слова о полку Игореве». Отв. ред. Д. С. Лихачёв. Л., 1986, С. 65–74; Филипповский Г. Ю. 1) К вопросу о художественной концепции «Слова о полку Игореве» // ТОДРЛ. Т. 50. К 90-летию Д. С. Лихачёва. Спб., 1997, С. 470–474; 2) Поэтика экспозиций... С. 50–59.
17. Лихачёв Д. С. Владимир Всеволодович Мономах // Словарь книжников и книжности древней Руси. Т. I. XI–XIV вв. Отв. ред. Д. С. Лихачёва. Л., 1987. С. 98–102; Орлов Владимир Мономах. М., Л., 1946.
18. Библиотека литературы древней Руси. Т. 1. ... С. 174.
19. Лихачёв Д. С. Комментарии // Библиотека литературы древней Руси. Т. 1. ... С. 539.
20. Библиотека литературы древней Руси. Т. 1. ... С. 174.
21. См. Филипповский Г. Ю. Работа с текстом «Поучения Владимира Мономаха в школе» // Ярославский педагогический вестник. 1997. № 4, С. 146–148.
22. Велецкая Н. Н. Языческая символика славянских архаических ритуалов. М., 1978.
23. Библиотека литературы древней Руси. Т. 1. ... С. 456.
24. Лихачёв Д. С. Великое наследие. М., 1975. С. 111–131.
25. Библиотека литературы древней Руси. Т. 1. С. 470.
26. Велецкая Н. Н. Языческая символика... С. 72–75.
27. Библиотека литературы древней Руси. Т. 1... С. 456.
28. Библиотека литературы древней Руси. Т. 4. СПб., 1997, С. 266.

29. Филипповский Г. Ю. Поэтика экспозиций... С. 50–59.